

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.
1901.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Всл. Отгр., 9 лпн., № 12.

1902.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

301. Извѣстія Восточнаго Института подъ редакціею директора Института А. Позднѣева. Т. I. VIII + 96 + LXIV + 49 + 34 стр. 8°. Владивостокъ 1900. Т. II. Вып. 1, 2, 3. Владивостокъ 1900—1901¹⁾. Владивостокъ. 1900—1901.

Молодой Восточный Институтъ уже первый годъ своего существованія ознаменовалъ высоко симпатичнымъ начинаніемъ — основаніемъ новаго печатнаго органа, своихъ «Извѣстій», имѣющихъ цѣлью восполнить ту просвѣтительную дѣятельность, для которой призванъ Институтъ. Оріенталисты, равно какъ и всѣ интересующіеся Дальнимъ Востокомъ лица, которые съ радостнымъ чувствомъ привѣтствовали въ свое время учрежденіе Восточнаго Института, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдятъ теперь за успѣхами его перваго дѣтища — «Извѣстій». И это вполне понятно. Въ то время какъ за границею насчитывается не одинъ десятокъ разнаго рода періодическихъ изданій, посвященныхъ Востоку, у насъ, если не говорить о Запискахъ Вост. Отд. И. Р. А. О., такія изданія почти не существуютъ. Интересный «Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», издаваемый Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба, считается почему-то секретнымъ и вслѣдствіе этого недоступенъ для публики; кромѣ того, за послѣдніе годы и этотъ сборникъ почти уже не даетъ о себѣ знать новыми выпусками. Въ изданіяхъ Импер. Академіи Наукъ и И. Р. Географическаго Общества — учреждений, имѣющихъ, между прочимъ, цѣлью и изученіе Востока, — изслѣдованія, касающіяся послѣдняго, появляются лишь болѣе или менѣе случайно и теряются среди массы матеріаловъ по другимъ отраслямъ знаній. Что же касается органа, который былъ бы посвященъ специально Дальнему Востоку, то попытку къ его изданію можно видѣть лишь въ Трудахъ членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ, которые однако прекратились на IV томѣ,

1) О числѣ страницъ см. ниже, въ концѣ рецензіи, примѣч.

вышедшемъ въ 1866 г., и со времени смерти арх. Палладія, главнаго столпа «Трудовъ», члены Духовной Миссіи не только уже не встрѣчали надобности въ особомъ сборникѣ, но вообще не издавали никакихъ трудовъ, за исключеніемъ развѣ «Начатковъ грамматики китайскаго разговорнаго языка приспособительно къ формамъ языка русскаго», составленныхъ арх. Амфилохіемъ Лутовиновымъ (СПБ., 1898). «Извѣстія Восточнаго Института» являются какъ бы продолженіемъ «Трудовъ», но по болѣе широкой программѣ, такъ какъ, въ зависимости отъ преподаваемыхъ въ Институтѣ предметовъ, его «Извѣстія» будутъ служить изученію не только Китая, но также Японіи и Кореи.

Редактированіе «Извѣстій» взялъ на себя директоръ Института, проф. А. М. Позднѣевъ, и уже одно имя этого нынѣ безспорно самаго выдающагося нашего знатока Дальняго Востока служить достаточною гарантіею того, что предпринятому имъ дѣлу будетъ дана надлежащая постановка, вполне соотвѣтствующая той важной задачѣ, которая стоитъ передъ новымъ органомъ. Редактору пришлось преодолѣть массу затрудненій для того, чтобы обосновать новое дѣло въ городѣ, гдѣ даже латинскій шрифтъ имѣлся лишь въ количествѣ, которое позволяло печатать имъ только $\frac{1}{4}$ листа. Нынѣ въ распоряженіи Института имѣются уже китайскій, японскій, корейскій, монгольскій, калмыцкій, маньчжурскій и тибетскій шрифты; приглашены и наборщики, умѣющие ими пользоваться. Благодаря этому, съ внѣшней стороны «Извѣстія» представляются, можно сказать, прямо-таки въ блестящемъ видѣ. Конечно, высказывать общій взглядъ о томъ, какое мѣсто займутъ «Извѣстія» наряду съ европейскими и азіатскими изданіями этого рода, теперь еще нѣсколько преждевременно, такъ какъ профессорскіе сотрудники, обремененные тяжелой задачей надлежащей постановки преподаванія порученныхъ имъ, нерѣдко совершенно новыхъ, предметовъ, еще не успѣли развить своей ученой дѣятельности до желательной высоты. Однако уже и то, что содержится въ вышедшихъ въ теченіе 2 первыхъ лѣтъ томахъ «Извѣстій», даетъ полное право возлагать на новое изданіе самыя лучшія надежды.

«Извѣстія Восточнаго Института» выходятъ въ свѣтъ несрочными выпусками, которые къ концу каждаго академическаго года образуютъ отдѣльный томъ. Въ 1899—1900 и 1900—1901 гг. вышло 2 тома, состоящихъ изъ 4 выпусковъ, изъ коихъ 1 — въ первомъ томѣ и 3 — во второмъ. Первый томъ имѣетъ цѣлью служить главнымъ образомъ воспоминаніемъ о торжественномъ днѣ открытія Института, и судить о характерѣ изданія можно, собственно говоря, только по выпускамъ, входящимъ въ составъ второго тома.

Въ началѣ этихъ послѣднихъ помѣщаются протоколы засѣданій Конференціи Восточнаго Института, которые обращаютъ на себя вниманіе обстоятельною мотивировкою вносимыхъ на разсмотрѣніе Конференціи предложений. Эти протоколы, дополненіемъ къ которымъ служатъ подробные отчеты о состояніи Института за 1899—1900 акад. годъ, даютъ ясное представленіе о внутренней жизни этого молодого учебнаго заведенія и, кромѣ того, содержатъ много очень важныхъ свѣдѣній и по другимъ вопросамъ; таковы, напр., свѣдѣнія объ императорской библіотекѣ въ Мукденѣ.

Затѣмъ, въ «Извѣстіяхъ» помѣщенъ рядъ статей и изслѣдованій, принадлежащихъ профессорамъ, а также и студентамъ Института.

Директоръ Института А. М. Позднѣевъ далъ цѣнныя «Розысканія въ области вопроса о происхожденіи и развитіи маньчжурскаго алфавита», основанныя главнымъ образомъ на хранящейся въ Парижской Національной Библіотекѣ маньчжурской рукописи: «Тоңкі фука аку херген-і бітхе», которая донынѣ никѣмъ изъ оріенталистовъ изучена не была. Въ первой части этого изслѣдованія авторъ, основываясь на подлинныхъ маньчжурскихъ памятникахъ, исправляетъ ошибки, допущенныя западно-европейскими оріенталистами (Amoyt, Langlès и др.) по указанному въ заглавіи вопросу, и вполне опредѣленно устанавливаетъ, что монгольскій алфавитъ приспособлялся къ передачѣ звуковъ маньчжурской рѣчи два раза: въ 1599 г. учеными Эрдэни-бакши и Гагай-цзаргуца и въ 1632 г. Дахаемъ, и что послѣдній выполнилъ свой трудъ единолично. Розысканная А. М. Позднѣевымъ въ Парижѣ рукопись: «Тоңкі фука аку херген-і бітхе» проливаетъ новый свѣтъ на трудъ названныхъ ученыхъ, давая возможность наглядно прослѣдить, какъ видоизмѣнялся монгольскій алфавитъ, пока наконецъ не получалъ формы нынѣшняго маньчжурскаго алфавита. Названное маньчжурское сочиненіе представляетъ собою словарь маньчжурскихъ словъ, выписанныхъ по приказанію императора Цянь-луна въ Най-гэ изъ древнихъ маньчжурскихъ памятниковъ и изображенныхъ буквами, отличающимися отъ современныхъ. Здѣсь имѣется нерѣдко по 4—5 вариантовъ (иногда совершенно намъ неизвѣстныхъ) нѣкоторыхъ буквъ. Однако отсутствіе указаній въ рукописи, къ какому времени относится тотъ или другой вариантъ, лишаетъ возможности опредѣлить съ точностью, въ какой постепенности проиш-водились видоизмѣненія монгольскихъ буквъ.

Къ изслѣдованію проф. Позднѣева приложенъ фотографическій снимокъ двухъ страницъ рукописи. Глядя на этотъ снимокъ, невольно затрудняешься согласиться съ мнѣніемъ автора, который находитъ въ имѣющихся здѣсь начертаніяхъ монгольскихъ буквъ много сходства съ уйгуро-монгольскими грамотами Аргуна и Улзэйтү XIII—XIV вв. Напротивъ, по моему

миѣнію, приходится скорѣе удивляться сходству этихъ начертаній съ современнымъ монгольскимъ письмомъ (характерны начертанія конечныхъ слоговъ *ге* и *ба*, отсутствіе вертикальныхъ откидныхъ чертъ), зная, насколько еще приближается по характеру письма къ означеннымъ грамотамъ грамота Алтанъ-хана туметскаго (1580 г.), относящаяся почти къ тому же времени, какъ и тѣ памятники, съ которыхъ скопированы начертанія разсматриваемой рукописи. При такихъ условіяхъ необходимо предполагать одно изъ двухъ: или у маньчжуровъ монгольское письмо усовершенствовалось быстрѣе (даже въ періодъ, когда маньчжуры употребляли еще въ дѣлопроизводствѣ монгольскій языкъ), чѣмъ у самихъ монголовъ, или же въ рукописи при копированіи придавъ древнимъ начертаніямъ болѣе современный характеръ, такъ какъ очень многія характерныя особенности письма рукописи не могли явиться результатомъ одного только употребленія китайской кисти вмѣсто камышеваго пера.

И. д. профессора китайской словесности А. В. Рудаковъ помѣстилъ двѣ статьи. Первая изъ нихъ, озаглавленная: «Общество И-хэ-туань и его значеніе въ послѣднихъ событіяхъ на Дальнемъ Востока»¹⁾, уже однимъ своимъ заглавіемъ, къ которому прибавлено многообѣщающее указаніе на то, что авторъ пользовался «официальными китайскими данными», невольно привлекаетъ на себя вниманіе всякаго, кто интересуется кровавою «боксерскою» драмою, столь неожиданно для всѣхъ разыгравшеюся въ Срединной Имперіи, но до сихъ поръ не находивъ, несмотря на кажущееся обиліе матеріала, яснаго и опредѣленнаго отвѣта на цѣлый рядъ вопросовъ касательно происхожденія общества боксеровъ, ихъ стремленій, организаціи, отношеній къ китайскому правительству, причины ихъ необычайныхъ успѣховъ. Правда, эти вопросы затрогивали также и прежніе писатели, но они, имѣя въ своемъ распоряженіи болѣею частью мало достовѣрныхъ данныя въ видѣ поверхностныхъ наблюденій или не проверенныхъ слуховъ, могли высказывать только болѣе или менѣе гадательныя предположенія. Г. Рудаковъ находился въ этомъ отношеніи въ исключительно благопріятномъ положеніи. Обладая знаніемъ китайскаго языка и вообще Китая, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Маньчжурію въ самый разгаръ въ ней событій 1900 г.; въ его распоряженіе были предоставлены китайскіе правительственные архивы въ Цицикарѣ и Хунь-чунѣ. Результатомъ сдѣланныхъ г. Рудаковымъ при этихъ условіяхъ наблюденій и изысканій и является разсматриваемая статья, которая такимъ образомъ, какъ это указываетъ самъ авторъ въ

1) Статья эта вышла отдѣльнымъ изданіемъ, но безъ приложенныхъ къ ней въ «Извѣстіяхъ» китайскихъ текстовъ документовъ.

предисловіи, есть не компиляція, а вполне самостоятельное изслѣдованіе, основанное на оставшихся донинѣ неизвѣстными данныхъ.

Главнѣйшею задачею авторъ поставилъ себѣ выяснитъ мотивы китайской политики въ событіяхъ 1900 г. и показать, чѣмъ въ дѣйствительности было и-хэ-туаньское движеніе. Рассмотрѣнію второго вопроса посвящены главнымъ образомъ первыя 5 главъ статьи, при чѣмъ матеріаломъ для нихъ послужили, повидимому, преимущественно личныя наблюденія автора, такъ какъ изъ письменныхъ китайскихъ данныхъ здѣсь имѣется только одна прокламація.

Кромѣ того, на этой части довольно замѣтно вліяніе прежнихъ писателей по и-хэ-туаньскому вопросу; достаточно, напримѣръ, сравнить ее хотя бы со свѣдѣніями, помѣщенными въ I вып. II тома тѣхъ же «Извѣстій Восточнаго Института». Этого, конечно, нельзя ставить въ упрекъ автору; напротивъ, слѣдуетъ даже пожалѣть, что онъ не счелъ нужнымъ болѣе широко воспользоваться свои личныя наблюденія фактическимъ матеріаломъ, имѣющимся въ литературѣ, и дать ему надлежащее освѣщеніе. Тогда, можетъ быть, въ статьѣ г. Рудакова были бы болѣе обстоятельно выяснены разные вопросы, на которые нынѣ читатель не находитъ опредѣленнаго отвѣта. Укажу на нѣкоторые изъ нихъ.

Первыя свѣдѣнія объ обществѣ И-хэ-туань, или первоначально И-хэ-цюань, г. Рудаковъ, очевидно, на основаніи одного изъ указовъ, изданныхъ богдоханомъ въ маѣ 1900 г., относятъ ко времени правленія Цзя-цинна (1796—1820 г.); однако онъ оставляетъ невыясненнымъ, существовала ли дѣйствительно какая-либо связь, кромѣ общности названія, между И-хэ-туанями временъ Цзя-цинна и нашихъ дней. На первый взглядъ можно думать, что авторъ признаетъ такую связь, но затѣмъ онъ выводитъ происхожденіе современныхъ И-хэ-туаней не отъ Цзя-цинновскихъ, а отъ общества Да-дао-хуй, т. е. Большихъ ножей, которое, примкнувъ къ дѣтскимъ даоскимъ общинамъ, получило мистическій оттѣнокъ.

Второй неясный вопросъ — это отношеніе И-хэ-туаней къ правительству. По словамъ г. Рудакова, Да-дао-хуй было организовано членами антиправительственнаго общества Бай-лянь-цзяо. Казалось бы, что революціонный характеръ должны были бы носить и вышедшіе отъ Да-дао-хуй И-хэ-туани. На это, дѣйствительно, имѣются отрывочныя указанія въ литературѣ. Однако въ позднѣйшій періодъ своей дѣятельности члены этого общества выступаютъ ревностными защитниками династїи, проливаютъ самоотверженно за нее свою кровь и пользуются взаимно полнымъ покровительствомъ со стороны ненавистныхъ для революціонныхъ элементовъ въ Китаѣ маньчжуровъ. Чѣмъ вызвана такая перемена во взглядахъ и когда она произошла?

Нѣкоторыя недомолвки въ свѣдѣніяхъ о внутренней организаціи и-хэ-туаньскихъ общинъ будутъ, нужно надѣяться, восполнены въ обѣщанномъ г. Рудаковымъ трудѣ объ ихъ ритуалѣ и духовномъ бытѣ. Не входя поэтому теперь въ разсмотрѣніе этого отдѣла, отмѣчу еще неточность данныхъ г. Рудакова касательно общества Цзай-ли. По его словамъ, послѣднее появилось только въ послѣднее время и даетъ обѣтъ нравственной чистоты жизни. Извѣстный же своими трудами миссіонеръ J. Ross, долгое время жившій въ сѣверномъ Китаѣ, удостовѣряетъ, что Цзай-ли появилось болѣе $\frac{1}{4}$ вѣка тому назадъ, и что члены этого общества, несмотря на даваемые ими обѣты не курить и не употреблять опиума и спиртныхъ напитковъ, ведутъ распутный образъ жизни и извѣстны какъ страстные азартные игроки¹⁾.

Несмотря однако на нѣкоторыя неясности и неточности, первая часть труда г. Рудакова читается не безъ интереса, и въ ней имѣется много совершенно новыхъ данныхъ и указаній; таковы, напр., свѣдѣнія о женскомъ обществѣ Хунъ-дэнь-чжао и его отношеніяхъ къ И-хэ-туанямъ, о дѣленіи послѣднихъ на школы и о нѣкоторыхъ ихъ обрядахъ.

Во второй части своего изслѣдованія, трактующей о роли, которую сыграли И-хэ-туани въ событіяхъ 1900 г., и отношеніяхъ къ этому обществу китайскаго правительства, авторъ прежде всего указываетъ на то, что появленіе И-хэ-туаней явилось неизбежнымъ, математически правильнымъ выводомъ изъ всей суммы отношеній между Китаемъ и иностранцами. Отношенія эти, сводившіяся въ сущности къ борьбѣ культуръ Запада и Востока, должны были разразиться столкновеніемъ, въ которомъ И-хэ-туани сыграли роль сначала искры въ пороховомъ складѣ, а затѣмъ маски, которою прикрывалось китайское правительство. Въ изложеніи причинъ этого столкновенія г. Рудаковъ ничѣмъ не отличается отъ прежнихъ писателей по этому вопросу. На первый планъ и онъ ставитъ отрицательныя стороны дѣятельности миссіонеровъ и только какъ бы мимоходомъ указываетъ на эксплуататорскія наклонности иностранныхъ предпринимателей и коммерсантовъ, на насильственное занятіе иностранцами китайской территоріи. А между тѣмъ весьма характерно то, что движеніе боксеровъ началось именно послѣ того, какъ началась горячка желѣзнодорожнаго строительства и разработки минеральныхъ богатствъ; послѣ того какъ были заняты Цзяо-чжоу, Портъ-Артуръ, Вэй-хай-вэй и т. д. Взглядъ самихъ китайцевъ съ неподдѣльною искренностью изложенъ въ указѣ богдохана отъ 8 іюня 1900 г., въ которомъ объявлялась война иностранцамъ. Указавъ на то, что этимъ послѣднимъ

1) The North-China Herald, Aug. 28, 1901.

было милостиво разрѣшено торговать и распространять свою религію въ Китаѣ, императоръ съ горечью заявляетъ: «Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ иностранцы стали пользоваться снисходительностью Китая для того, чтобы захватывать китайскую территорію, тѣснить китайскій народъ, посягать на богатства Китая. Всякая уступка лишь поощряла ихъ къ насилию. Они угнетали мирныхъ людей, оскорбляли боговъ и святыхъ мужей»... ¹⁾

Въ дальнѣйшемъ изложенія г. Рудаковъ приводитъ цѣлый рядъ официальныхъ документовъ въ полномъ переводѣ или въ извлеченіи (подлинный китайскій текстъ также приложенъ къ статьѣ), которыми характеризуются отношенія китайскаго правительства къ И-хэ-туанямъ. Это наиболѣе интересное и важная часть статьи г. Рудакова, которою впервые установлено вполне безспорнымъ и неопровержимымъ образомъ, что центральное правительство дѣйствительно руководило И-хэ-туанями въ Маньчжуріи, принимало мѣры къ развитію поднятаго ими движенія и стремилось дать ему правильную организацію во главѣ съ ответственными начальниками изъ числа высшихъ сановниковъ.

Къ сожалѣнію, документы эти обнимаютъ сравнительно очень небольшой промежутокъ времени съ 27 іюня по 27 іюля 1900 г., и наиболѣе важный, съ точки зрѣнія преслѣдуемой г. Рудаковымъ цѣли, періодъ отъ возникновенія и-хэ-туаньскаго движенія въ Шань-дунѣ до открытаго разрыва Китая съ иностранными державами остается совершенно не освѣщеннымъ. А между тѣмъ, только располагая данными относительно этого періода, можно было бы судить о различныхъ стадіяхъ, черезъ которыя прошли отношенія правительства къ обществу И-хэ-туань, прежде чѣмъ послѣднее было официально принято подъ покровительство властей. Конечно, нельзя думать, чтобы данныя по этому вопросу оказались въ архивахъ Цицикара или Хунь-чуня, которыми пользовался г. Рудаковъ, но представляется довольно непонятнымъ, почему онъ оставилъ безъ всякаго вниманія официальную китайскую газету Цзинь-бао, являющую собою примѣръ рѣдкой официальной откровенности. Правда, авторъ указываетъ на то, что «нельзя придавать особеннаго значенія всѣмъ тѣмъ указамъ и распоряженіямъ правительства, которые были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе» (стр. 207) и считаетъ необходимымъ судить о задачахъ китайской политики только по секретнымъ публикуемымъ имъ документамъ. Соотвѣстно такому своему взгляду, г. Рудаковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда секретныхъ документовъ въ его распоряженіи не оказывалось, предпочиталъ дѣлать болѣе или менѣе, по его мнѣнію, вѣроятныя предположенія—по

1) North-China Herald, Sept. 19, 1900.

аналогія съ позднѣйшими событіями — даже тогда, когда въ опубликованныхъ въ Цзинь-бао указахъ имѣется прямой отвѣтъ на интересующій его вопросъ. Иллюстраціею результатовъ такого отношенія могутъ служить слѣдующіе примѣры.

Г. Рудаковъ сожалѣетъ, что у него нѣтъ документовъ для точнаго уясненія отношеній китайскаго правительства къ И-хэ-туанямъ въ собственномъ Китаѣ, и высказываетъ лишь предположеніе, что и въ Чжи-лійской провинціи такъ же, какъ въ Маньчжуріи, имъ была дана правильная организація, при чемъ въ главѣ ихъ были поставлены отвѣтственные начальники изъ высшихъ сановниковъ (стр. 173, 175 и 178). Между тѣмъ зайствованный журналомъ North-China Herald (Sept. 19, 1900) изъ Цзинь-бао указъ отъ ¹¹/₂₄ іюня 1900 г. содержитъ вполне ясныя на этотъ счетъ указанія. Изъ него видно, что во главѣ И-хэ-туаней въ Чжи-ли былъ поставленъ принцъ Чжуанъ, его помощникомъ назначенъ канцлеръ Ганъ-и, сановникамъ же Инъ-пянь и Цзай-ланъ было приказано оказывать имъ содѣйствіе. Въ послѣдующихъ указахъ И-хэ-туаняи разсматриваются какъ часть военныхъ силъ, дѣйствующихъ противъ иностранцевъ, и наравнѣ съ регулярными войсками удостоиваются наградъ за свои подвиги.

Далѣе авторъ говоритъ, что дворъ, выдвигая секретными указами И-хэ-туаней на борьбу съ иностранцами, открыто не становился на сторону первыхъ, дабы имѣть возможность, отрекшись отъ нихъ, оправдаться передъ иностранцами въ совершенныхъ преступленіяхъ, и что онъ не снималъ маски даже въ эпоху битвъ подъ Тянь-цзинемъ и осады посольствъ въ Пекинѣ, когда всѣ шансы были на сторонѣ желтой расы. Цзинь-бао однако говорятъ діаметрально противоположное. Правительство не только не скрывало своихъ истинныхъ отношеній къ И-хэ-туанямъ, а напротивъ, какъ мы видѣли выше, публиковало во всеобщее свѣдѣніе почти буквально то же, что впоследствии вычиталъ объ этихъ отношеніяхъ изъ секретныхъ документовъ г. Рудаковъ. Какъ же при такихъ условіяхъ Пекинскій дворъ могъ бы питать надежду отречься отъ своей солидарности съ И-хэ-туанями и прикрыть ими торжественное объявленіе указомъ богдохана войны иностранцамъ (любопытно, что г. Рудаковъ не считъ пужнымъ даже однимъ словомъ обмолвиться о такомъ важномъ фактѣ), дѣйствія императорскихъ войскъ подъ Да-гу, Тянь-цзинемъ, Благовѣщенскомъ? Приписывать китайцамъ столь наивный планъ мнѣ кажется совершенно невозможнымъ.

Считаю однако пужнымъ остановиться на томъ указѣ, который внушилъ г. Рудакову мысль о такой превратности политики китайскаго правительства (стр. 171—172). Указъ этотъ изданъ 26 числа 6 луны 26 года правленія Гуанъ-суй, т. е. 9 іюля 1900 г. Очевидно, раньше подобныхъ

указовъ о томъ, чтобы всѣ свои дѣйствія прикрывать И-хэ-туанями, издаваемо не было, такъ какъ въ противномъ случаѣ Ципикарскій цзянь-цзюнь Шоу-шань не рискнулъ бы 2 іюля такъ смѣло бомбардировать Благовѣщенскъ. Совершенно непонятна поэтому та непредусмотрительность, вслѣдствіе которой дворъ такъ поздно поставилъ въ извѣстность о своихъ планахъ высшихъ провинціальныхъ сановниковъ. Не предполагать же, что у императрицы-матери только 9 іюля, т. е. спустя мѣсяцъ послѣ объявленія войны, созрѣлъ такой коварный, но далеко не остроумный планъ! Въ виду этого мнѣ кажется затруднительнымъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ упомянутаго выше указа, которое даетъ ему г. Рудаковъ, тѣмъ болѣе, что наиболѣе важная часть указа, какъ создается и г. Рудаковъ, неясна. Кромѣ отмѣченнаго г. Рудаковымъ мѣста, непонятнымъ также представляется, какимъ образомъ богдоханъ могъ показать видъ, что враждебныя дѣйствія не находятъ сочувствія съ его стороны, разъ онъ поставилъ дѣло такъ, что нельзя было водворить порядка, т. е., по крайней мѣрѣ косвенно, содѣйствовалъ беспорядкамъ. На основаніи сопоставленія указовъ отъ 7, 9 и 10 іюля (стр. 171, 209 и 215), приводимыхъ авторомъ, мнѣ кажется возможнымъ сдѣлать слѣдующее предположеніе для объясненія причины, по которой вторымъ изъ означенныхъ указовъ было предписано выставять впередъ И-хэ-туаней. Хэй-лунъ-цзянскій цзянь-цзюнь выработалъ планъ наступательныхъ дѣйствій противъ Россіи; гиринскій же цзянь-цзюнь настаивалъ на необходимости сохранять съ нею безусловно дружественныя отношенія. Дворъ выбралъ между этими мнѣніями золотую середину: открытія враждебныхъ дѣйствій онъ не одобрилъ въ виду слабости военныхъ силъ Маньчжуріи, но призналъ желательнымъ разрушить Китайскую Восточную ж. д. для прегражденія доступа русскимъ внутрь страны, а также очистить послѣднюю отъ иностранцевъ. Это дѣло представлялось наиболѣе удобнымъ предоставить И-хэ-туанямъ, дабы не отвлекать регулярныхъ войскъ отъ болѣе важной задачи — охраны границъ отъ вышшняго вторженія.

Изложивъ основы организаціи, данной И-хэ-туанямъ китайскимъ правительствомъ и выразившейся въ назначеніи сановниковъ п-хэ-туань-лянъ съ предоставленіемъ имъ печати, г. Рудаковъ указываетъ, что наряду съ этой организаціею существовала у И-хэ-туаней и другая, духовная, вышшнямъ проявленіемъ которой являлись такъ называемые жертвенники — тань 壇. Хотя авторъ и говоритъ, что власти не считали возможнымъ даже сколько-нибудь затронуть эту организацію, чтобы не лишиться ее мятежскаго характера, однако тутъ же имѣется указаніе, что эти жертвенники имѣли печати, дарованныя имъ властью Сына неба, т. е. являлись простыми казенными учрежденіями. Возникшее такимъ образомъ у меня сомнѣніе

усилилось еще болѣе, когда оставленный при С.-Петербургскомъ Университетѣ по кафедрѣ китайской словесности А. И. Ивановъ обратилъ мое вниманіе на то, что надпись на помѣщенномъ въ трудѣ г. Рудакова отпечаткѣ печати якобы Главнаго жертвенника въ Мукденѣ (стр. 188) переведена неточно. Надпись эта, гласящая въ переводѣ г. Рудакова: «По Высочайшему повелѣнію, мѣсто общины Главнаго жертвенника Священнаго кулака во имя справедливости и гармоніи въ Мукденѣ», изображена древнимъ почеркомъ, и г. Рудаковъ не даетъ ея въ современномъ начертаніи, вслѣдствіе чего нѣтъ возможности судить, какъ онъ разсматривалъ тотъ или другой іероглифъ. Г. Ивановъ изображаетъ эту надпись современнымъ письмомъ такъ:

命 欽		
令	神	承
團	兵	天
處	總	義
行	壇	和

и переводить: «По Высочайшему повелѣнію: получивъ отъ неба справедливость и гармонію, а также сверхъестественныя волиства повелѣваемъ подъ общимъ знаменемъ¹⁾ образовать мліцію». Я не берусь высказывать окончательнаго сужденія, насколько правильно разобралъ и перевелъ надпись г. Ивановъ, но во всякомъ случаѣ считаю несомнѣннымъ, что въ ней никакого указанія на «Мукденъ»²⁾ и «священныхъ кулаковъ» не имѣется. Такимъ образомъ это далеко не печать главнаго жертвенника въ Мукденѣ, какъ она называется у г. Рудакова, и желательно было бы выяснитъ ея истинное назначеніе.

Считаю также необходимымъ обратить вниманіе г. Рудакова на дату приказа, изданнаго главнокомандующимъ Хэй-лунъ-цзянской провинціи (стр. 205). Въ приказѣ этомъ говорится о предписаніи данномъ тунъ-лину Цзя выгнать русскихъ ночью 14—15 числа изъ Фу-ла-эръ-цзя, а затѣмъ ударить на Харбинъ, поручается телеграфировать въ Айгунь и Ху-лань-чэпъ

1) Этимъ словомъ «знамя» 旗 г. Ивановъ считаетъ необходимымъ переводить соответствующій знакъ надписи вмѣсто «жертвенникъ» 壇, согласно переводу г. Рудакова.

2) Очевидно, г. Рудаковъ вполне ясно изображенный іероглифъ 神 шэнь—духъ (神 兵 шэнь-бинъ — сверхъестественное войско) разобралъ какъ 盛 шэнь (盛 京 Шэнь-цзинъ — китайское названіе Мукдена).

объ единовременномъ открытіи военныхъ дѣйствій во исполненіе первоначальныхъ предначертаній и, наконецъ, предписывается тунъ-линямъ Цюань и Бао, совмѣстно съ Цзи, гнать русскихъ (очевидно, отъ Фу-ла-эр-цзи) на западъ. Авторъ полагаетъ, что это происходило въ 7 лунѣ, такъ что открытіе военныхъ дѣйствій противъ русскихъ должно было послѣдовать въ ночь 26 іюля. Однако при такомъ предположеніи возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній. Изложенный приказъ главнокомандующаго былъ изданъ не ранѣе 11 числа, т. е., по мнѣнію г. Рудакова, 23 іюля; выходило бы, слѣдовательно, что первое распоряженіе объ открытіи военныхъ дѣйствій во всей Хэй-лунъ-цзянской провинціи, въ томъ числѣ и въ Айгунѣ, т. е. противъ Благовѣщенска, былъ отданъ не ранѣе 23 іюля. Между тѣмъ въ дѣйствительности въ это время Айгунъ уже былъ въ нашихъ рукахъ, и китайцы были отгѣснены къ югу; русскихъ, за исключеніемъ Харбина, больше уже нигдѣ не было внутри страны, а потому не на кого было нападать въ Фу-ла-эр-цзи или гнать оттуда на западъ; напротивъ, самихъ китайцевъ генералъ Орловъ, двигавшійся изъ Забайкалья, въ то время гналъ уже на востокъ...

Вполнѣ понятнымъ и естественнымъ дѣлается приказъ, если отнести его дату на мѣсяць назадъ, т. е. разсматривать 14 число не 7 луны, а 6 луны, т. е. какъ 27 іюня. Какъ извѣстно изъ телеграммъ, помѣщавшихся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» въ 1900 г., въ этотъ именно день русскимъ, находившимся на постройкѣ западнаго участка Китайской Восточной ж. д., предписано было отступить на западъ къ русской границѣ; 2 іюля началась бомбардировка Благовѣщенска, и военные дѣйствія начались по всей линіи. Къ сожалѣнію, упомянутый документъ не приведенъ почему-то въ китайскомъ текстѣ, что сдѣлано для другихъ документовъ, а поэтому нѣтъ возможности провѣрить высказываемую мною догадку. Будемъ надѣяться, что г. Рудаковъ не преминетъ разрѣшить настоящій вопросъ на основаніи китайскаго оригинала, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ существенную важность: если моя догадка окажется правильною, то придется заключить, что Айгунскій тунъ-линь Хэнъ-юй, открывшій бомбардировку Благовѣщенска, дѣйствовалъ по прямому приказанію цзянь-цзюня Шоу-шаня, который въ свою очередь уже 11 числа 6 луны, т. е. 24 іюня, получилъ по телеграфу предписаніе изъ Пекина начать военные дѣйствія противъ Россіи. Этимъ былъ бы установленъ совершенно неизвѣстный донынѣ фактъ, такъ какъ обыкновенно бомбардировку Благовѣщенска приписываютъ личной инициативѣ Шоу-шаня; но тогда предстояло бы выяснять, почему черезъ 2 недѣли Пекинское правительство измѣнило свое рѣшеніе, строго предписавъ Хэй-лунъ-цзянскому цзянь-цзюню держаться esclusi-

тельно оборонительнаго образа дѣйствій. Миѣ кажется, что на такую перемену могли повліять миролюбивыя представленія Гириньскаго цзянь-цзюня Чань-шуя.

Наконецъ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о томъ крайне страстномъ тонѣ, въ которомъ авторъ обсуждаетъ отношенія китайскаго правительства къ иностранцамъ и, въ частности, къ Россіи. Такія выраженія, какъ: цинизмъ, злодѣяніе, коварный, постыдный, приспѣшникъ и пр., то и дѣло примѣняемыя по отношенію къ двору и въ особенности къ императрицѣ-матери, свидѣлствуютъ объ увлеченіи автора и объ отсутствіи у него спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ предмету, о которомъ онъ трактуетъ. Очень можетъ быть, что это объясняется тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на него событія 1900 г., происходившія почти на его глазахъ, но во всякомъ случаѣ это могло только отрицательнымъ образомъ отразиться на его изслѣдованіи. Тѣ страстныя нападки, которыя дѣлаетъ г. Рудаковъ на китайскій дворъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ за собою достаточно вѣсныхъ основаній. Больше всего возмущаетъ автора та двуличная политика, которую дворъ якобы желалъ сыграть при посредствѣ И-хэ-туаней; однако такая политика, какъ выше было изложено, не можетъ считаться вполне доказанною. Едва ли справедливо негодовать на китайцевъ за то, что они не совсѣмъ еще забыли присоединенія Уссурийскаго края къ Россіи; за то, что на громадномъ протяженіи русско-китайской границы (около 8.000 верстъ) они построили 2 крѣпости въ Айгунѣ и Хунь-чунѣ, изъ коихъ вторая, несмотря на то, что являлась, по словамъ автора, послѣднимъ словомъ европейской военной науки, была взята русскими штурмомъ съ потерей всего только 13 человекъ, убитыхъ и раненыхъ; за то, наконецъ, что Лю-минъ-чуань высказывалъ опасенія относительно назначенія Сибирской ж. д. (стр. 194), хотя это не помѣшало впослѣдствіи Китаю разрѣшить продолжить эту самую дорогу по своей собственной территоріи. Незначительный указываемый г. Рудаковымъ случай затрудненій, дѣлавшихся китайскими чиновниками русскимъ торговцамъ на Сунгари (стр. 203), объясняется не двуличіемъ и мелочностью китайцевъ, а не совсѣмъ удачною редакціею ст. 2 Айгунскаго договора 1858 г., толкованіе которой уже имѣетъ за собою цѣлую исторію.

Не совсѣмъ искренно и какъ-то неестественно звучатъ заключительныя слова статьи; они не вытекаютъ изъ ея содержанія и даже находятся въ явномъ съ нимъ противорѣчіи. Можетъ быть, наше послѣднее столкновеніе съ Китаемъ и явилось отчасти результатомъ недоразумѣнія; но, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ думать, что китайцы къ русскимъ относятся лучше, чѣмъ къ другимъ иностранцамъ; что свѣжія и бодряція струи

именно русской жизни и культуры призваны къ обновленію подгнившихъ устоевъ древней китайской культуры...

Заканчивая этимъ свои замѣчанія по поводу статьи г. Рудакова, долгомъ считаю оговориться, что къ болѣе подробному ея разбору меня побуждала исключительно лишь жизненная важность затронутыхъ въ ней вопросовъ. Событія 1900 г. не могутъ считаться вполне урегулированными. Правда, около десятка китайскихъ сановниковъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, поплатилось головою; перебиты тысячи боксеровъ; приняты мѣры для обезпеченія безопасности посольствъ въ Пекинѣ; опубликованъ рядъ грозныхъ указовъ объ оказаніи защиты иностранцамъ и христіанамъ; наконецъ, заключены новые договоры... но при всемъ этомъ положеніе, въ лучшемъ случаѣ, стало то же *quo ante*. Причины, коими былъ вызванъ сильнѣйшій взрывъ народнаго негодованія противъ иностранцевъ, не устранены; къ нимъ прибавилось еще озлобленіе и тяжесть новыхъ налоговъ, введенныхъ для уплаты контрибуціи. Недовольство растеть, убійства миссіонеровъ снова начались... Какъ знать, не грозитъ ли будущее еще большими, чѣмъ въ 1900 г., осложненіями. Судить объ этомъ можно до извѣстной степени только на основаніи тщательнаго изученія всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ возникновеніе и-хэ-гуаньскихъ беспорядковъ. До сихъ поръ этого не сдѣлано. Работа г. Рудакова устанавливаетъ нѣкоторые существенные пункты, но, къ сожалѣнію, въ ней имѣются пробѣлы, недостаточно обоснованные выводы. Ограничиваясь одними секретными документами нѣтъ возможности; они, по крайней мѣрѣ опубликованные г. Рудаковымъ, носятъ отрывочный характеръ, бросаютъ свѣтъ на отдѣльные, единичные моменты; необходимо исчерпать весь доступный матеріалъ, обнять болѣе обширный промежутокъ времени, отнестись къ предмету вполне спокойно, *sine ira et studio*. Трудъ предстоитъ еще довольно значительный, но начало уже сдѣлано г. Рудаковымъ; онъ обѣщалъ уже дать новый трудъ по этому вопросу; будемъ надѣяться, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнетъ пересмотру и настоящее свое изслѣдованіе и разрѣшитъ нѣкоторые спорныя положенія, на которыя мы и хотѣлось обратить его вниманіе. Тогда только, можетъ быть, исчезнетъ мракъ, окутывающій еще нѣкоторые фазисы и-хэ-гуаньскаго движенія. Г. Рудаковъ, въ виду необычайной цѣнности имѣющагося въ его распоряженіи матеріала, можетъ сдѣлать это лучше, чѣмъ кто бы то ни было.

Кромѣ разсмотрѣнной статьи, г. Рудаковымъ начато печатаніемъ «Руководство къ изученію китайской мандаринской рѣчи», состоящее изъ китайскаго текста извѣстнаго сборника Гуань-хуа-чжи-нань 官話指南, русской его транскрипціи, перевода на русскій языкъ и довольно обстоя-

тельных примѣчаній. Въ транскрипціи заслуживаетъ вниманія обозначеніе интонацій посредствомъ цифръ.

И. д. профессора по китайской словесности П. П. Шмидтъ даетъ статью: «Китайскія классическія книги», въ которой онъ старается выяснитъ происхожденіе этихъ книгъ, являющихся краеугольнымъ камнемъ образованія въ Китаѣ и имѣющихъ поэтому тамъ громадное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ служащихъ и помѣхою для введенія всякаго рода полезныхъ реформъ и нововведеній. Большинство китайскихъ ученыхъ, а за ними и нѣкоторые европейскіе, приписываютъ классическимъ книгамъ очень древнее происхожденіе. Однако внимательное изученіе китайской литературы показываетъ, что было и есть не мало и такихъ китайскихъ ученыхъ, которые критически относятся къ рассказамъ о древности этихъ книгъ, и ихъ изслѣдованія бросаютъ значительный свѣтъ на этотъ спорный вопросъ. Проф. Васильевъ одинъ изъ первыхъ среди европейскихъ синологовъ обратилъ вниманіе на малую достовѣрность рассказовъ о первыхъ временахъ классическихъ книгъ и произнесъ надъ этими рассказами строгій приговоръ. П. П. Шмидтъ, пользуясь главнымъ образомъ китайскихъ критическимъ сочиненіемъ Цзи-шо-цюань-чжэнь-ти-ло, приводитъ рядъ новыхъ фактовъ, которыми опровергается глубокая древность китайскихъ классиковъ. Впрочемъ авторъ не отрицаетъ древности китайской культуры, полагаетъ даже, что нѣкоторыя части классическихъ книгъ относятся къ отдаленнѣйшимъ временамъ; но вопросъ о томъ, какія это части, когда именно онѣ были составлены, если когда-либо и будетъ сколько-нибудь освѣщенъ, то только путемъ изученія критическихъ изслѣдованій самихъ китайцевъ. Во всякомъ случаѣ авторъ полагаетъ, что намъ не слѣдуетъ признавать историческаго значенія за такими мифическими преданіями, которымъ не вѣрятъ и самыя интеллигентныя китайцы. Съ основательностью такого взгляда нельзя, конечно, не согласиться, но, само собою разумѣется, необходимо при этомъ имѣть въ виду, что и изслѣдованія китайскихъ критиковъ не должны быть принимаемы на вѣру, такъ какъ едва ли они всегда отличались полнымъ безпристрастіемъ.

По японологіи помѣщены три статьи, принадлежащія и. д. профессора по японской словесности Е. Г. Спальвину. Во вступительной лекціи его: «Очеркъ основъ языка и письменности японцевъ» мы имѣемъ лучшее выясненіе того громаднаго вліянія, которое оказываетъ на языкъ всякаго народа усвоенная имъ письменность. Японцы, говорящіе языкомъ, ничего общаго съ китайскимъ не имѣющимъ, приняли китайскую іероглифическую письменность. При этомъ они первоначально прельщались только іероглифами, какъ выразителями извѣстныхъ понятій, а не ихъ китайскимъ чте-

ніємъ, передавали ихъ, при произношеніи, японскими словами соотвѣтственно понятію, которое изображается даннымъ іероглифомъ, и лишь для большей ясности текста изобрѣли рядъ вспомогательныхъ знаковъ. Затѣмъ однако японцы, путаясь въ точной передачѣ по-японски значенія іероглифовъ, начали усваивать ихъ китайскія чтенія (по разнымъ выговорамъ), подвергнувъ ихъ съ теченіемъ времени тѣмъ или другимъ измѣненіямъ согласно фонетическимъ особенностямъ своего языка. Эти заимствованныя чтенія (въ разныхъ ихъ сочетаніяхъ) стали приобрѣтати въ глазахъ японцевъ вполне опредѣленное значеніе и начали проникати въ разговорный языкъ и даже вытѣснять чисто японскія слова. Такое вытѣсненіе началось съ давнихъ поръ, продолжается донинѣ и, по мнѣнію г. Спальвина, приведетъ къ упрощенію тѣхъ сложныхъ формъ, которыя имѣютъ нынѣ языкъ и особенно письменность японцевъ, т. е., иными словами, образуется совершенно новый языкъ, который будетъ находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ китайскою іероглифическою письменностью, и Японія очутится въ этомъ отношеніи въ томъ же положеніи, въ какомъ находится Китай, благодаря тому, что между китайскимъ языкомъ и письменностью существуетъ болѣе тѣсная связь. Если совершающаяся въ японскомъ языкѣ эволюція дѣйствительно имѣетъ указываемую г. Спальвинымъ тенденцію, то она, помимо упрощенія, будетъ, повидимому, имѣть результатомъ и превращеніе японскаго полисиллабическаго языка въ моносиллабическій, каковымъ по преимуществу является китайскій. Въ противномъ случаѣ, едва ли могла бы установиться живая связь между языкомъ и іероглифическою письменностью.

Во всякомъ случаѣ весьма характеренъ тотъ перевѣсъ, который взяла столь трудная для усвоенія и несвойственная духу японскаго языка іероглифическая письменность надъ слоговою (кана), вполне приспособленною къ передачѣ звуковъ японской рѣчи; среди разнообразныхъ проектовъ упрощенія японской письменности предложеній о приданіи національному алфавиту болѣе широкаго употребленія не появляется вовсе. Съ этой точки зрѣнія весьма любопытенъ примѣръ корейцевъ, которые находились въ совершенно аналогичномъ положеніи, говоря языкомъ, имѣющимъ весьма много общаго съ японскимъ, и употребляя также китайскую письменность. Несмотря на то, что послѣдняя оказала весьма сильное вліяніе на корейскій языкъ, національный корейскій алфавитъ *онъ-мунъ* (едва ли не наиболѣе совершенный изъ существующихъ) не только не гложетъ, но въ послѣднее время даже получаетъ болѣе широкое распространеніе; имъ теперь печатаются, на ряду съ китайскимъ текстомъ, даже императорскіе указы, чего раньше никогда не случалось.

Вторая статья г. Спальвина: «Японскій прогрессъ» посвящена оцѣнкѣ

успѣховъ, сдѣланныхъ Японією во вторую половину XIX в. Авторъ весьма невысокаго мнѣнія о значенія этихъ успѣховъ. Японія приняла изъ европейской культуры все, что прельщало ее своимъ виѣшнимъ видомъ, но приняла лишь постольку, поскольку это поддавалось подражанію. Вслѣдствіе этого новыя вліянія не принесли съ собою тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется западная культура, но вмѣстѣ съ тѣмъ они вытѣснили внутреннее содержаніе старой, китайской. И вотъ у японцевъ не оказалось болѣе прочныхъ устоевъ жизни, и это слѣдуетъ приписать, по мнѣнію г. Спальвина, національнымъ качествамъ японцевъ — самолюбію, отсутствію творчества и неспособности къ труду, честному и самостоятельному.

Авторъ, несомнѣнно, совершенно вѣрно подмѣтилъ основную черту современнаго положенія японцевъ — отсутствіе прочныхъ устоевъ жизни, но значеніе ея мнѣ кажется необходимо оцѣнивать съ нѣсколько другой точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлаетъ г. Спальвинъ. Выводъ его приходится резюмировать такъ: нѣтъ устоевъ жизни и ихъ не можетъ быть, такъ какъ указываемое имъ средство для приобрѣтенія этихъ устоевъ — полное перевоспитаніе цѣлаго народа — мѣра едва ли осуществимая. Между тѣмъ отсутствіе устоевъ не можетъ считаться отличительною особенностью жизни всей японской націи. Не подлежитъ сомнѣнію, что западная цивилизація затронула главную массу японскаго населенія пока еще сравнительно мало, что эта масса продолжаетъ жить старыми идеалами, которымъ новыя вліянія не нанесли еще особенно сильнаго ущерба. Характерно, что именно въ послѣдніе годы японскій буддизмъ обнаруживаетъ признаки возрожденія, распространяя свою дѣятельность даже за предѣлы Японіи, — на Корею и Китай.

Далѣе отсутствіе устоевъ, характеризующее внутреннее состояніе небольшой сравнительно, хотя и передовой, группы населенія, является въ значительной мѣрѣ неизбежнымъ слѣдствіемъ усвоенія европейской культуры, которое должно было бы явиться даже при отсутствіи указываемыхъ г. Спальвинымъ отрицательныхъ чертъ японскаго характера. Японіи пришлось перешагнуть цѣлую бездну, которая отдѣляла ее отъ западной цивилизаціи, и сдѣлала она это съ изумительною быстротою — въ теченіе приблизительно одного поколѣнія. Этого времени недостаточно для того, чтобы сжиться, сродниться со всѣмъ тѣмъ, что представляетъ собою даже виѣшнюю сторону цивилизаціи; на полное ея усвоеніе понадобится работа многихъ поколѣній. Конечно, виѣшнюю сторону можно было перенять въ сравнительно короткое время, и японцы вполнѣ успѣли въ этомъ; они сумѣютъ и поддержать ее на должной высотѣ; на это указываетъ уже и то обстоятельство, что теперь въ Японіи почти совершенно нѣтъ на

службѣ иностранцевъ-спеціалистовъ. Усвоить внутреннее содержаніе чуждой цивилизаціи несравненно труднѣе, тѣмъ болѣе что японцы, обратившись къ ознакомленію съ нимъ, не нашли въ религіозныхъ, философскихъ и этическихъ системахъ и ученіяхъ Европы ничего бесспорнаго, общепризнаннаго, что бы дѣйствовало на нихъ столь же неотразимо, какъ дѣйствовала внѣшняя сторона европейской цивилизаціи. И вотъ та небольшая часть японскаго населенія, для которой прежніе идеалы потеряли свою прелесть (а съ этой частью чаще всего сталкиваются европейцы и судятъ по ней о всемъ населеніи), оказалась безъ прочныхъ устоевъ жизни. Но позволительно думать, что у народа, въ его цѣломъ, просуществовавшаго, въ видѣ самостоятельнаго политическаго организма, тысячелѣтія, должны найтись и такія положительныя качества, которыя помогутъ ему приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Ошибки, блужданія, поиски присущи всякой переходной ступени; для того, чтобы судить, къ чему они приведутъ, необходимо болѣе глубокое, болѣе всестороннее знакомство съ характеромъ всего народа, а не одной показной его группы, которая при томъ пока еще только перенимаетъ, а не живетъ перенятымъ.

Мнѣ не совсѣмъ понятно, почему авторъ такъ настойчиво старается доказать, что Японія не есть страна контрастовъ; онъ самъ признаетъ, что въ ней есть контрастъ вещей, а «постоянство въ непостоянствѣ», на которое онъ указываетъ, развѣ не обуславливаетъ собою и «контраста въ жизни»?

Г. Спальвиннымъ помѣщены также японскіе тексты для начинающихъ, состоящіе изъ японскихъ анекдотовъ, краткихъ разсказовъ и пословицъ.

Изъ слушателей Восточнаго Института помѣстили свои труды двое: В. Надаровъ и К. Дмитріевъ. Первому принадлежитъ статья о наиболѣе важномъ для русской торговли портѣ Китая — Хань-коу: «Матеріалы къ изученію Хань-коу, его географическаго положенія, связанныхъ съ нимъ транзитныхъ путей, его торговли и пр.» Это наиболѣе полный изъ существующихъ очеркъ свѣдѣній о Хань-коу, основанный на добросовѣстномъ изученіи данныхъ, имѣющихся въ русской и иностранной литературѣ; въ него вошли также свѣдѣнія, заимствованныя изъ китайскихъ источниковъ, а равно добытыя авторомъ на мѣстѣ.

К. Дмитріевъ даетъ историческій очеркъ «Сѣверно-Китайскихъ Императорскихъ желѣзныхъ дорогъ», соединяющихъ города Пекинъ, Тянь-цзинь, Да-гу, Шань-хай-гуань, Инъ-коу и Синь-минь-тинъ. Въ общемъ очеркъ — довольно обстоятельный, но въ изложеніи послѣдней стадіи развитія названныхъ дорогъ имѣются нѣкоторыя неточности. Никакой

замѣны каменноугольныхъ копей близъ Шань-хай-гуаня находящимися въ Нань-бло не было; эксплуатировать именно послѣднія имѣлось въ виду при заключеніи соглашенія отъ 10 октября (нов. ст.) 1898 г., а потому протестовать противъ такой эксплуатаціи пашей дипломатіи не было оснований. Сюй-цзинь-чэнь былъ председателемъ Правленія Общества Китайской Восточной ж. д., а не президентомъ совѣта восточныхъ китайскихъ желѣзныхъ дорогъ (это, очевидно, буквальный переводъ съ англійскаго языка русскаго названія маньчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ). Никакой конвенціи Лессара между Англіею и Россіею въ 1899 г. заключено не было. Авторъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь ноты, обмѣненныя между графомъ Муравьевымъ и серомъ Ч. Скоттомъ въ СПБ. Никакихъ бумагъ сѣверныхъ китайскихъ желѣзныхъ дорогъ наше министерство финансовъ не покупало; объ этомъ ходили въ заграничной печати лишь слухи.

Важное значеніе имѣетъ довольно обширный гольдско-русскій словарь, составленный лицомъ, не имѣющимъ непосредственнаго отношенія къ Институту, свящ. Прокопiемъ Протодьяконовымъ. О гольдскомъ языкѣ въ русской литературѣ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія; таковы, напримѣръ, небольшіе словари, составленные Брылкинымъ, Венюковымъ, о. Ал. Протодьяконовымъ. На основаніи этихъ словарей можно было заключать о близкомъ родствѣ языка гольдовъ и въ частности такъ называемыхъ ходзеповъ (хэчжэ) съ маньчжурскимъ. Теперь трудъ о. Прок. Протодьяконова (не имѣлъ ли о. Прокопiй въ своемъ распоряженіи трудовъ своего однофамильца, можетъ быть, родственника, о. Ал. Протодьяконова, раньше его занимавшагося изученіемъ языка гольдовъ?) по значительному количеству содержащихся въ немъ словъ даетъ обильный матеріалъ для изученія этого языка. Жаль лишь, что нѣтъ никакихъ указаній относительно того, гдѣ именно собранъ предлагаемый намъ лексическій матеріалъ, такъ какъ нѣкоторые писатели указываютъ на существованіе въ языкѣ гольдовъ 3 отгѣнковъ, находящихся, повидому, въ зависимости отъ степени вліянія языковъ сосѣднихъ народностей. Не даетъ также о. Прокопiй болѣе точнаго указанія, какіе именно звуки онъ изображаетъ посредствомъ кг, кх; какая разница между надстрочными знаками ` и '.

Кстати замѣчу довольно рѣзко бросающееся въ глаза отсутствіе въ «Извѣстіяхъ» опредѣленной системы въ передачѣ звуковъ восточныхъ языковъ; повидому, всякій авторъ придерживается своей собственной системы транскрипціи и почему-то предполагаетъ, что читателю все онѣ должны быть понятны безъ всякихъ поясненій. Такъ, напр., з изображается въ видѣ чк и дж, е изображаетъ то латинскій звукъ е, то русское ѣ; гдѣ одни употребляютъ ја, ју, другіе — я, ю. Никто не считаетъ также нужнымъ

пользоваться русскою лингвистическою азбукою. Очень возможно, что отсутствіе необходимаго шрифта не позволяло авторамъ воспользоваться нѣкоторыми знаками этой азбуки, но, казалось бы, для Института, пріобрѣтшаго цѣлыхъ 6 комплектовъ труднѣйшихъ восточныхъ шрифтовъ (изъ нихъ нѣкоторые донынѣ еще не утилизированы), не могло бы встрѣтиться затрудненій въ пріобрѣтеніи небольшого запаса нѣсколькихъ знаковъ лингвистической азбуки, разъ дѣйствительно возникла бы въ нихъ потребность.

Не могу также не выразить пожеланія, чтобы наши первые японологъ и корееологъ отнеслись возможно внимательнѣе къ дѣлу установленія цѣлесообразной системы русской транскрипціи звуковъ японской и корейской рѣчи; примѣненіе къ этому нашей лингвистической азбуки мнѣ кажется особенно желательнымъ. По отношенію къ транскрипціи г. Спальвина я пока ничего не имѣю замѣтить; но мнѣ кажется непонятною система транскрипціи нѣкоторыхъ корейскихъ названій; такъ, напр., городъ, лежавшій на р. Тѣ-донъ-ганъ, называется то Пинъ-янъ, то Пэнъ-янъ; первое — это китайское чтеніе іероглифовъ, которыми изображается названіе этого города; второе — вѣроятно, какое-то корейское чтеніе, совершенно не соответствующее однако начертанію этого названія корейскимъ алфавитомъ ѳн-мунъ. Не слѣдуетъ ли положить послѣдній въ основаніе и русской транскрипціи въ виду его общепризнанныхъ достоинствъ?

При «Извѣстіяхъ Восточнаго Института», въ видѣ приложений, выходятъ «Современная Лѣтопись» отдѣльными выпусками черезъ каждые 10 дней. Она содержитъ въ себѣ подробный обзоръ свѣдѣній о выдающихся текущихъ событіяхъ въ Китаѣ, Японіи и Корей; источникомъ для этихъ свѣдѣній служатъ мѣстные и иностранныя газеты, выходящія въ названныхъ странахъ.

Въ этой Лѣтописи предполагается, какъ видно изъ намѣченной Конференціею Института, согласно съ мнѣніемъ г. Спальвина, программы (т. II, вып. 3), помѣщать и редакціонные обзоры положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, а также отзывы объ изданіяхъ, касающихся послѣдняго. Подобное расширеніе задачъ Лѣтописи, пока еще не осуществленное, представляется весьма желательнымъ, такъ какъ очень многія свѣдѣнія, сообщаемыя восточно-азиатскою прессою, а затѣмъ появляющіяся и на страницахъ Лѣтописи, носятъ завѣдомо тенденціозный характеръ и требуютъ поэтому возстановленія истины въ редакціонныхъ статьяхъ и замѣткахъ. Желательно также болѣе внимательное отношеніе къ почерпаемому изъ иностранныхъ изданій матеріалу во избѣжаніе появленія, напр., какого-то Dowager'a вмѣсто вдовствующей императрицы или географическаго на-

званія Анъ-пинъ на мѣстѣ парохода An-ping, на которомъ въ 1900 г. ѣхалъ Ли-хунъ-чжанъ изъ Шанхая на сѣверъ (т. II, вып. 1, приб., стр. 2¹).

Вл. Котвичъ.

1) *Примѣчаніе редактора Записокъ Восточнаго Отдѣленія.* Въ интересахъ библиографовъ и всѣхъ читателей Извѣстій Восточнаго Института позволяю себѣ обратить вниманіе на весьма неудобный способъ пагинаціи, принятый во второмъ томѣ Извѣстій. Послѣ тщетныхъ попытокъ обычными библиографическими формулами указать въ точности число страницъ этого тома въ заголовкѣ рецензій я наконецъ рѣшился приложить здѣсь полное оглавленіе всѣхъ 3 выпусковъ:

Выпускъ 1.

Протоколы засѣданій Конференціи Вост. Института за 1900—1901 академическій годъ	1— 68
Очеркъ основъ языка и письменности японцевъ. — Е. Спальвина	1— 32
Руководство къ изученію китайской мандаринской рѣчи. — А. Рудакова	1— 30
Японскіе анекдоты, краткіе рассказы и пословицы. (Японскія тексты для начинающихъ). — Е. Спальвина	1— 18
Мелкія и библиографическія замѣтки	1— 40
Каталогъ бібліотеки Вост. Института	35— 66
(продолженіе изъ т. I).	
Современная лѣтопись Дальняго Востока	1— 88

Выпускъ 2.

Протоколы засѣданій Конференціи Вост. Института	69—184
Японскій прогрессъ. — Е. Спальвина	33— 44
Матеріалы къ изученію Ханькоу — В. Надарова	45—118
Разысканія въ области вопроса о происхожденіи и развитіи маньчжурскаго алфавита. — А. Поздѣева	118—140
Каталогъ бібліотеки Вост. Института	67— 94
Современная лѣтопись Дальняго Востока	89—220

Выпускъ 3.

Протоколы засѣданій Конференціи Вост. Института	185—227
Общество И-хэ-туанъ и пр. — А. Рудакова	141—217
Подлинники китайскіхъ текстовъ, переводы которыхъ приведены въ статьѣ А. Рудакова	1— 23
(китайская пагинація).	
Матеріалы къ изученію Ханькоу. — В. Надарова	219—268
Китайскія классическія книги. — П. Шмидта	269—300
Гольдско-Русскій словарь. — свящ. П. Протоѣяконова	300—350
Сѣверно-китайскія Импер. желѣзныя дороги. — К. Дмитріева	351—357
Каталогъ бібліотеки Вост. Института	95—185
Современная лѣтопись Дальняго Востока	221—388

Второй томъ обнимаетъ еще два выпуска, какъ видно изъ только-что полученнаго въ СПб. 4-го выпуска, въ которомъ указано на имѣющей еще появиться пятый. При весьма почтенномъ объемѣ каждого выпуска, самое дѣленіе тома на выпуски едва-ли практично. Для облегченія же ссылокъ на «Извѣстія» существенно необходимымъ было бы разнобразить пагинацію, принявъ, примѣрно, для Протоколовъ римскія цифры, для статей и изслѣдованій обыкновенныя арабскія, для Лѣтописи Дальняго Востока тѣ-же цифры съ предшествующимъ полемъ и т. д. Еще цѣлесообразнѣе было бы Лѣтопись прилагать къ Извѣстіямъ въ особой обложкѣ какъ отдѣльное изданіе и такъ-же поступить съ Протоколами. Последніе, какъ справедливо замѣчаетъ рецензентъ, содержатъ не мало научнаго матеріала, но, конечно, въ нихъ преобладаетъ матеріалъ дѣловой, не представляющій ни ма-